

Р.И. Сементковский

**Антиох Кантемир. Его жизнь
и литературная деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Р11

Р.И. Сементковский
Р11 Антиох Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность / Р.И. Сементковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 70 с.

ISBN 978-5-4241-2929-2

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839 1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы профессия.

ISBN 978-5-4241-2929-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Р.И. Сементковский, 2021

Ростислав Иванович
Сементковский
Антиох Кантемир. Его жизнь и
литературная деятельность

*Биографический очерк Р. И. Семент-
ковского*

*С портретом Кантемира, гравиро-
ванным в Лейпциге Геданом*

Вступление

Заслуги князя Антиоха Дмитриевича Кантемира не только перед родным словом, но и перед родиной очень значительны. Кантемир был первым русским писателем в современном значении этого слова, — и каким писателем! Он сразу сообщил ясность и определенность всей нашей литературе, с необычайной точностью указал и основное ее направление, и основные ее задачи. «По мне, — говорил еще Белинский, — нет цены этим неуклюжим стихам умного, честного и доброго Кантемира». Белинский во время столь непродолжительного, к сожалению, литературного своего поприща вначале колебался относительно истинного значения Кантемировых сатир. Но незадолго до смерти он написал критический разбор сочинений Кантемира, в котором, уже не колеблясь, провозгласил нашего первого сатирика родоначальником всей новой русской литературы и с пафосом, столь родственным его возвышенной душе, говорил о радости, которую испытал бы Петр Великий, если бы ему довелось прочесть Кантемировы сатиры. И действительно, радость эта была бы велика, потому что никто из русских литераторов первой половины XVIII века не дал такого отчетливого и красноречивого выражения основному настроению, видам и задачам великого царя-преобразователя, как именно Кантемир. Недаром Белинский в конце своей литературной деятельности писал о Кантемире: «Этот человек по какому-то счастливому инстинкту первый на Руси свел поэзию с жизнью, тогда как сам Ломоносов только развел их надолго». Петр работал только для жизни: он был практиком в лучшем значении этого слова, и тем же практическим духом проникнуты и Кантемировы сатиры. Если в них можно искать поэзии, то только той, которая в метком и образном сопоставлении ищет силу для бичевания порока, и порок этот, против которого направлены стрелы первого нашего сатирика, только отчасти общечеловеческий, но главным образом присущ данной среде, данному народу. Просто изумляешься, как двадцатилетний молодой человек мог с таким глубоким проникновением усвоить себе дух русского языка, понять слабости и недостатки современного ему русского общества и с такой силой, но вместе и с такой любовью отметить их. И в какое время это было им сделано: в эпоху расцвета лжеклассицизма, когда даже такой сильный ум, каким был Ломоносов, всецело ему подчинился и витал в «заоблачных превыспренности по случаю плоскочных иллюминаций», забывая «о живой действительности..., о правах общества». Кантемир ни на миг в течение всей своей деятельности не забывал о живой действительности: он, собственно, жил только для нее и даже вдали от приемного своего отечества, вдали от России, думал только о том, как бы ей служить, как бы искоренить в ней путем злой насмешки или распространения просвещения те пороки, которые так глубоко печалили его отзывчивую и любящую душу.

Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу, —

писал уже Кантемир: он был родоначальником гоголевского «смеха сквозь слезы», он сильной рукой указал русской литературе то направление, которое так пышно расцвело в лице Фонвизина, Гоголя, Салтыкова и которое составляет основную ноту русской поэзии, ее преобладающее настроение. Он первый указал на долг гражданина, подавая в этом отношении пример. «Все, что я пишу, — такковы его слова, — пишу по должности гражданина». Таким же было у него не

только слово, но и дело. В смутное время, наступившее после смерти Петра, в те тяжелые годы, когда произвол достиг небывалых размеров, когда даже сильные дрожали, постоянно опасаясь за свое имущество и жизнь, он гнушался пользоваться оружием, которое его враги пускали в ход против него, и как он призывал подвластных исполнять долг гражданина, так он говорил сильным мира сего:

Чист быть должен, кто туды, не поблднев, всходит,

Куды зоркие глаза весь народ наводит.

Да, Кантемир был, несомненно, первым нашим поэтом-гражданином, и родился он в такое время, когда, казалось, смешно было и говорить о гражданских чувствах. Тем больше ему чести; тем менее простительно нам забывать об этом выдающемся труженике на литературном поприще.

Но много ли нами сделано для уяснения себе истинного значения Кантемира? Стоит взять любой учебник по истории русской словесности, чтобы убедиться, как смутны еще, даже среди специалистов, взгляды на первого русского сатирика. Такой признанный авторитет, как покойный Галахов, повторяя первоначальное суждение Белинского, совершенно им отвергнутое впоследствии, заявляет учащейся молодежи, что «низшие слои разных сословий и званий оставались для Кантемира в стороне, не известные им и не возбуждавшие к себе внимания», что Посошков и Татищев как истые русские могли любить наш народ и не обвинять безусловно разных его сословий, но что Кантемира Тредьяковский «имел право назвать чужестранным человеком», не понимавшим духа русского языка. В том же смысле высказывается и Порфирьев в своем обширном учебнике истории русской словесности, составленном сравнительно недавно. И это говорится о писателе, если не родившемся, то с двухлетнего возраста жившем в России, преданном ей телом и душою, думавшем и заботившемся только о ней, усвоившем себе дух русского языка в таком совершенстве, что его стихи тотчас же превратились в расхожие выражения, в поговорки, которые были в восемнадцатом веке у всех на устах, подобно тому, как в девятнадцатом даже люди, плохо знакомые с грибоедовским «Горе от ума», постоянно его цитируют. Такие выражения, как «светлый ум», «чистая девица», «чуткое ухо», «зоркий глаз» и т. д., по верному замечанию одного критика, впервые были введены Кантемиром в литературный язык, — так чутко он сам прислушивался к народной речи и понимал, в чем ее сила и прелесть. Называть Кантемира, изгонявшего впервые иностранные слова из литературной речи в такое время, когда другие писатели щеголяли ими, осмелившегося впервые, по меткому выражению Батюшкова, «писать в России так, как говорят», называть Кантемира, всю свою душу положившего на служение русскому народу, иностранцем, упрекать его за то, что он неумолимою рукою раскрывал пороки современного ему общества, объяснять это иноземным его происхождением, а не глубокой любовью к России, — это представляется нам столь же кощунственным, как упрекать Гоголя в его мало-русском происхождении за то, что он сквозь жгучие слезы осмелел русское общество.

Но как бы то ни было, Кантемир причислен к нашим классикам. Ни пренебрежительный суд знаменитого в свое время литературного критика Полевого, категорически заявившего, что Кантемировы сатиры — «не громкий и звучный голос сильной души, негодующий на порок своего века, но мелкая насмешка над смешным» и что сатиры Кантемира «как поэтические создания, как самобытные

русские произведения не имеют никакого права на наше внимание», ни колебания Белинского, первоначально писавшего, что Кантемир «был иностранец, следовательно, не мог сочувствовать народу и разделять его надежд и опасений», что он поэтому «забыт», — не повредили в конце концов громкой славе нашего первого сатирика. Но, может быть, именно в этих приговорах выдающихся наших критиков, в неустановившемся на него взгляде следует искать причины почти младенческого состояния литературы, посвященной первому нашему писателю. Что касается оценки его произведений, то лучшей и самой полной все еще остается статья Дудышкина, помещенная в «Современнике» без малого полвека тому назад. Дудышкин не смутился отрицательным судом Полевого, не смутился и колебаниями Белинского и с большой силой аргументации доказал, что Кантемир «первый в литературном мире обратился к русскому обществу и искал в нем предмета для стихотворства», что «он же первый открыто, неподдельно начал сатирическую нашу литературу», что «он... был человек..., сознававший потребности России и благородно действовавший на открытом ему поприще, сколько позволяли силы». Кроме того, Дудышкин выяснил, что в Кантемировых сатирах составляет подражание Горацию, Ювеналу, Буало и что в них есть оригинального; он выяснил и всю несостоятельность мнения Полевого, будто бы Кантемировы сатиры представляют собой только «мозаику, составленную на досуге умным человеком» и, кроме плохого подражания хорошим образцам, ничего в себе не содержат; он выяснил истинное значение Кантемира, блестяще подтвердил мнение Жуковского, что «по языку и стопосложению наш сатирик должен быть причислен к стихотворцам старинным, но что по искусству он принадлежит к новейшим и самым образованным». Однако статья Дудышкина появилась, как я уже отметил, почти полвека тому назад; с тех пор собраны материалы для более полной оценки Кантемира, а между тем эта статья до сих пор является лучшей и почти единственной. Ни по достоинствам, ни по объему она до сих пор в нашей литературе не нашла себе равной. Что касается биографических работ, то они более полны, но общей обстоятельной биографии Кантемир все еще не дождался. Лучшими биографическими очерками остаются: биография аббата Венутти, составленная в конце сороковых годов XVIII столетия, т. е. тотчас после смерти писателя, и приложенная к французскому переводу его сатир, и затем очерк покойного Стоюнина, составляющий предисловие к глазуновскому изданию сочинений Кантемира, появившемуся в 1867–1868 гг. Монографий, касающихся отдельных периодов жизни и деятельности Кантемира, больше. Но и тут серьезного внимания заслуживают, собственно, только работы Стоюнина: «Князь Антиох Кантемир в Лондоне» («Вестник Европы», 1867 г., тт. I и II) и «Князь Антиох Кантемир в Париже» («Вестник Европы», 1880 г., тт. IV и V). Кроме того, за последнее время вышли две монографии, из которых одна значительно дополняет наши сведения о жизни и деятельности Кантемира. Во-первых, профессор Варшавского университета Александренко приступил к изданию всех реляций Кантемира из Лондона, пользуясь для этого архивами как нашими, так и иностранными; но пока вышел в прошлом году только первый том этого издания, в который вошли реляции 1732–1733 гг., т. е. всего за два года пребывания Кантемира в Лондоне. Во-вторых, Шимко издал в 1891 году книгу «Новые данные к биографии кн. А.Д. Кантемира и его ближайших родственников», составленную из писем самого Кантемира и его родственников, — писем, найденных автором в

московском архиве министерства юстиции. Они представляют чрезвычайно ценный материал для освещения некоторых сторон жизни и деятельности первого русского сатирика. Таким образом, является возможность составить более подробное и рельефное его жизнеописание, и было бы крайне желательно, чтобы эта благодарная задача не была отложена в долгий ящик. Со своей стороны, я постараюсь собрать все существенное, написанное до сих пор о Кантемире, чтобы, насколько позволяют размеры общедоступной биографии, воспроизвести жизнь и деятельность Кантемира – этого «честного, умного и доброго человека», как его называл Белинский, этого первого русского гражданина-поэта, как его назовут с благодарностью все русские люди, когда снова установится общее убеждение, что гражданские мотивы не составляют контрабанды в поэзии и что гражданские чувства всегда и всюду, в жизни и литературе, красят человека и придают высший смысл его труду, борьбе, радостям и страданиям.

Глава I

Род Кантемиров. – Дед и отец нашего сатирика. – Детство Антиоха. – Его воспитатели и наставники. – Антиох и княжна Мария. – Влияние на них родителей. – Путешествие по России. – Культ Петра. – Любовь к науке, литературе и искусству

Приезд двухлетнего Антиоха Кантемира в 1711 году в Россию совпал с очень печальными внешними событиями. После славного полтавского боя русская армия, созданная Петром Великим, оказалась окруженной впятеро более сильным неприятелем на берегах Прута. Это была также своего рода Плевна, но только еще более прискорбная, потому что России пришлось заключить немедленно мир, не добившись победы, и возвратить Турции Азов, т. е. отказаться от мысли о проложении себе дороги к Черному морю. Верным союзником нашего отечества в эти тяжелые дни был молдавский господарь, князь Дмитрий Кантемир, отец сатирика, имевший громадное влияние на сына в умственном и нравственном отношении. Ему наш сатирик в значительной степени обязан тем, что он был одним из самых просвещенных людей первой половины восемнадцатого века.

В его биографии не оправдалось правило, что выдающиеся деятели часто имеют весьма посредственных предков. Наоборот, и отец, и дед Антиоха Кантемира были люди выдающиеся: дед прославился своей храбростью и военными дарованиями; отец – своей ученостью и нравственными качествами; сам Антиох отличался литературными дарованиями. Но откуда взялся род Кантемиров? Биограф деда сатирика, князя Константина Кантемира, один из первых русских академиков, известный историк Байер, сообщает нам, что фамилия Кантемир – татарского происхождения. За ним и митрополит Евгений в своем известном словаре говорит, что предки нашего сатирика произошли от татар Мунгальского колена и считали родоначальником своим Тамерлана. Фамилию Кантемир производят от двух слов: Кан и Тимур, т. е. родственников Тимура. Но кан-темир означает также кровь-железо – эпитет, подходящий только к деду, выдающемуся воину, но не имеющий ничего общего ни с его отцом, мирным ученым, ни с ним самим, так как в его характере преобладали доброта и кротость. Как бы то ни было, не подлежит, кажется, сомнению, что род Кантемиров действительно татарского происхождения, но достоверные сведения мы имеем только о деде нашего сатирика, князе Константине. В молодости мы его застаем на польской службе. Поляками же он послан был в 1665 году полководцем против ногайских татар; а возвращаясь из похода, он освободил Яссы от нападения взбунтовавшихся 8 тысяч молдаван и возвратил княжение изгнанному господарю Дуке. Вообще он принимал деятельное участие как в борьбе поляков, турок и крымских татар, так и в судьбе молдавского княжества.

Результатом всех этих военных подвигов князя Константина было то, что род Кантемиров, во-первых, получил за верную службу ханам и молдавским правителям обширные поместья в Килийской и Измаильской областях и, во-вторых, добился княжения в Молдавии. Так, в XVIII столетии отец и дядя нашего сатирика являются молдавскими господарями, избираемыми дворянами, но не всегда

утверждаемыми Портой, потому что, как известно, это утверждение часто зависело от таких значительных подарков, что они могли вконец разорить лицо, желавшее заручиться милостью турецких правителей.

Чтобы проложить своему роду дорогу к господарству, князю Константину не требовалось много усилий. Его военные дарования доставили ему громкую славу и богатство. Кроме того, он был женат на близкой родственнице молдавских господарей, князей Дуки и Дабизы, Анне Федоровне Бантышевой, женщине, как аттестует ее потомок, составитель известного «Словаря достопамятных людей», Бантыш-Каменский, «в науках очень знаменитой». Ей отец Антиоха, князь Дмитрий, и обязан первым образованием ума и сердца. Но, может быть, он не достиг бы такой значительной учености, доставившей ему европейскую известность преимущественно как историку (хотя он, кроме того, прекрасно изучил философские и математические науки) и лестное избрание в члены Берлинской академии, если бы ему не пришлось в молодости долго прожить в Константинополе в качестве заложника. Как известно, Порта пользовалась этим малогуманным средством, чтобы держать в руках подвластных ей правителей. В Константинополе князь Дмитрий усердно занимался изучением языков (он свободно говорил на турецком, персидском, арабском, греческом, итальянском, русском и молдавском; кроме того, знал славянский и французский), наук и увлекался музыкой, так что даже сочинял разные музыкальные пьесы, имевшие успех в столице Турции, а построенные им впоследствии в русских его поместьях церкви и монастыри свидетельствуют о том, что он любил и архитектуру. Всего он написал тринадцать сочинений и оставил много других неоконченными. Сочинения эти посвящены магометанской религии, возвышению и упадку оттоманского двора, состоянию Молдавии, турецкой музыке, истории сотворения мира с «физическими примечаниями», рассуждению о монархиях, логике и философии. Мы привели все эти данные об отце нашего сатирика, чтобы пояснить, какое благотворное влияние он мог иметь в умственном отношении на своего сына. Наружность у него была приятная, обхождение любезное, разговор увлекательный. Он вел весьма умеренный образ жизни и вечера проводил всегда в семье, с которой старался не расставаться и во время продолжительных своих путешествий. Прибавим к этому, что и женился он весьма удачно: на гречанке, предки которой были византийскими императорами, Кассандре Кантакузиной, женщине, отличавшейся большим образованием и всецело посвятившей себя воспитанию своих детей.

Но то, что отразилось так выгодно на князе Антиохе, т. е. ученость и нравственные достоинства его отца, вероятно, послужило помехой для упрочения молдавского княжества за родом Кантемиров. Во всяком случае, нам известно из истории, что князю Дмитрию трудно было справиться с интригами пронырливого и хитрого валахского князя Бранкована, стремившегося захватить власть над обоими княжествами. Бранкован интриговал так удачно, что заручился доверием как Порты, так и России, и перед печальными событиями на Пруте Петр доверял ему безусловно, не обращая внимания на все предостережения князя Дмитрия. Уже в 1692 году, когда умер князь Константин, молдавские бояре избрали его сына господарем, но Порта его не утвердила, и он снова поселился в Константинополе, где 10 сентября 1709 года и родился у него сын Антиох, наш знаменитый сатирик. Через два года после его рождения Порта сменила гнев на милость и

послала князя Дмитрия в Молдавию управлять обоими княжествами, арестовав предварительно князя Бранкована. Возмущенная вероломством последнего Порта даже освободила князя Дмитрия от дани и подарков, но как только он прибыл на место, она, изменив своему слову, потребовала от него значительных сумм, постройки моста через Дунай для переправы турецкой армии, снабжения ее необходимым провиантом и выступления в поход против России. Князь Дмитрий на все это не согласился, перешел на сторону России и затем остался ей верен в постигшем ее несчастье. Во всяком случае, этот исторический факт должен быть нами отмечен, так как Россия обязана ему переселением семьи Кантемиров в ее пределы, а за гостеприимство, которое она ей оказала, та отблагодарила дарованием ей такого видного деятеля и писателя, каким был наш первый сатирик.

Порта была глубоко возмущена изменою князя Дмитрия и требовала от Петра его выдачи. Официально Петр отговаривался тем, будто бы князя Дмитрия нет в русском лагере, а своим приближенным он говорил: «Я лучше уступлю туркам всю землю, простирающуюся до Курска, нежели выдам князя, пожертвовавшего для меня всем своим достоянием. Потерянное оружием возвращается; но нарушение данного слова невозвратимо. Отступить от чести – то же, что не быть государем». А между тем искушение было велико, потому что русской армии и русскому царю угрожал плен, и, следовательно, надо было позаботиться о том, чтобы поскорее заключить мир с Турцией, а она сильно настаивала на выдаче князя Дмитрия, облегчившего русским войскам занятие Молдавии и снабдившего их провиантом. Для доставления успеха русскому оружию князь Дмитрий дал нашим комиссарам 10 тысяч волов, 15 тысяч овец и 10 тысяч талеров, словом, он разорился и, прибыв в русский лагерь, не имел уже никакого состояния.

Все эти жертвы должны были упрочить дружеские отношения между Петром и князем Дмитрием. Петр во что бы то ни стало хотел спасти его от турецкого гнева и прибег к разным хитростям, чтобы скрыть его от зорких глаз турецких соглядатаев. Так, князю Дмитрию пришлось долго укрываться в кухонном вагоне, где он нашел себе убежище за кастрюлями и другою посудой. Но и это убежище оказывалось не вполне надежным, и из-под ведения главного царского повара Фельтена князь Дмитрий перешел в ведение царского кучера, сбив предварительно бороду и заменив молдавский костюм немецким. Он долго скрывался в карете царицы. Таким образом он перебрался в Россию. Как известно, с Турцией мир был заключен на весьма невыгодных условиях: о сохранении Молдавии не могло быть и речи, и поэтому князю Дмитрию вместе с его приближенными, двумя тысячами бояр, офицеров, слуг и прочих, пришлось навсегда переселиться в Россию и принять русское подданство. Петр его, однако, щедро вознаграждал за его потери, за утрату княжества и всего состояния. Ему предоставлен был титул светлейшего, ежегодная пенсия в 6 тысяч рублей, много вотчин под Харьковом, в Московском и Севском уездах и дом в Москве; кроме того, ему предоставлены были и владетельные права, например, суд над молдаванами, переселившимися с ним в Россию. В 1715 году князь Дмитрий приговорил к лишению жизни трех молдавских дворян, но потом смягчил это наказание, и Петр утвердил его приговор. Известна еще резолюция Петра: «Где его (князя Дмитрия) пребывание будет, чтоб был гарнизон Российский». Хотя исполнение приказаний Петра о предоставлении князю Дмитрию разных недвижимых имуществ сильно